

АЦРА ЛЕВЦН

АЙРА ЛЕВИН

СТЕПФОРДСКИЕ
ЖЕНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л36

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Ira Levin
THE STEPFORD WIVES

Перевод с английского Ю. Вейсберга

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
Harold Ober Associates и Andrew Nurnberg.

Левин, Айра.

Л36 Степфордские жены : [роман] / Айра Левин ;
[перевод с английского Ю. Вейсберга]. — Моск-
ва : Издательство АСТ, 2022. — 224 с. — (Вселен-
ная Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-147819-3

Для Джоанны, ее мужа Уолтера и их детей переезд в живописный Степфорд — событие слишком чудесное, чтобы быть правдой. Все женщины здесь — идеальные жены и матери, которые целиком посвящают себя семье и хлопотам по хозяйству. И пока они доводят до совершенства быт, их мужья каждый вечер собираются в таинственной Ассоциации мужчин. Удивлению Джоанны нет предела, когда из старых газет она узнает, что раньше в Степфорде существовал и Женский клуб, причем большая часть местных домохозяек были его активистками и разделяли феминистические взгляды. А сейчас за идиллическим фасадом тихого городка происходит нечто странное...

Роман дважды экранизировался в Голливуде — первая версия вышла в 1975 году, а в 2004 году была снята комедийная версия с Николь Кидман в главной роли.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147819-3

© Ira Levin, 1972, renewed 2000
© Перевод. Ю. Вейсберг, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Сегодня борьба принимает иную форму; вместо желания сковать мужчину по рукам и ногам женщина стремится скрыться от него; она уже не ищет способов затянуть его в имманентные миры, а желает показать ему себя, озаренной светом превосходства. То, как реагируют на это мужчины, порождает теперь новый конфликт: мужчина отпускает ее от себя, причем делает это с фальшивой учтивостью.

Симона де Бовуар. «Второй пол»

Один

ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ ВРУЧАЛА ПОДАРКИ ВНОВЬ прибывшим, было явно за шестьдесят, но даже и без очков было видно, как много стараний прикладывает она, чтобы выглядеть моложе (рыжеватые волосы, пурпурные губы, ярко-желтое платье). Ослепив Джоанну блеском глаз и зубов, она сказала:

— Не сомневаюсь, вам здесь очень понравится! Прекрасный городок, прекрасные люди! Лучшего места не найти!

За плечами у нее болтался огромный рюкзак из коричневой кожи, потертый от долгого ношения. Порывшись в нем, она извлекла и протянула Джоанне пакетики с сухими суповыми заправками и прохладительным напитком «просто добавь воды», коробочку экологически безвредного стирального порошка, брошюрку с перечнем товаров, на которые объявлены скидки в двадцати двух местных магазинах, два кусочка мыла и упаковку косметических салфеток...

— Все-все, хватит, — взмолилась Джоанна, стоя на пороге и обеими руками прижимая к себе только что полученные дары. — Все, все. Спасибо.

Дама-дарительница положила поверх кучи подарков флакончик одеколona и снова нырнула в свой рюкзак. Не обращая внимания на протестующие возгласы Джоанны, она извлекла из него солнцезащитные очки в розовой оправе и небольшой блокнот в пестрой обложке.

— Я веду раздел «Сведения о вновь прибывших», — с улыбкой объявила она, надевая очки. — Для «Кроникл».

Дама сунула руку в рюкзак почти по самое плечо, вытащила из него авторучку и большим пальцем (ноготь ярко покрашен) нажала на колпачок.

Джоанна рассказала ей, откуда они с мужем приехали, кем и в какой фирме работал Уолтер, назвала имена детей, Пита и Ким, и сколько им лет; поведала, чем занималась до их рождения, а также сообщила, в каком колледже они с Уолтером учились. Рассказывая все это, она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, стоя с охапкой подарков перед входной дверью и не слыша, что Пит и Ким вытворяют в доме.

— У вас есть хобби или какие-нибудь особые интересы?

Джоанна, желая поскорее освободиться от докучливой собеседницы, уже открыла рот, чтобы

произнести «Нет!», но заколебалась: обстоятельный ответ на этот вопрос, напечатанный в местной газете, может послужить сигналом, приманкой для женщин, имеющих сходные интересы, с которыми она могла бы впоследствии подружиться. Жившие по соседству женщины, с которыми она встречалась в последние несколько дней, производили приятное впечатление и относились к ней по-дружески. Однако они, похоже, были всецело поглощены домашними делами. Возможно, когда она узнает их получше, то найдет в них благородные мысли и далеко идущие устремления, а значит, целесообразно будет уже сейчас подать им некий условный сигнал. Поэтому она ответила:

— Да, кое-что есть. Я не упускаю случая поиграть в теннис, к тому же серьезно, можно даже сказать, почти на профессиональном уровне занимаюсь фотографией...

— О-о-о? — воскликнула дама-дарительница, водя ручкой по листу блокнота.

— Понимаете, — пояснила Джоанна, улыбаясь, — одно информационное агентство использовало три моих снимка. Кроме этого, я проявляю интерес к политике и движению за равноправие женщин. Причем очень активно. Мой муж полностью разделяет мои взгляды.

— Что вы говорите! — Дама-дарительница взглянула на нее с нескрываемым удивлением.

— Да, — заверила ее Джоанна. — Многие мужчины придерживаются подобных взглядов.

Джоанна не стала распространяться насчет преимуществ, которые приносит участие обоих полов в феминизации общества; вместо этого она склонила голову в сторону входной двери и прислушалась: из гостиной слышался смех — по телевизору передавали какое-то шоу, — и Пит с Ким спорили, но не так горячо, как обычно бывает перед рукопашной.

— А муж интересуется греблей и футболом, — добавила она и улыбнулась даме-дарительнице. — Кроме того, он коллекционирует акты раннего американского законодательства.

Сказав это, она как бы подала условный сигнал и от Уолтера.

Дама-дарительница записала и это, после чего закрыла блокнот и, нажав большим пальцем на стержень, привела авторучку в нерабочее состояние.

— Прекрасно, миссис Эберхарт, — сказала она и, улыбаясь, сняла солнцезащитные очки. — Я больше чем уверена, что вам понравится жить здесь, и от всего сердца хочу сказать вам: «Добро пожаловать в Степфорд». Если вам понадобится информация о местных магазинах и услугах, пожалуйста, без всякого стеснения звоните мне. Номер моего телефона вы найдете на пер-

вой странице брошюры с перечнем товаров, продающихся со скидкой.

— Благодарю вас, я непременно позвоню, — пообещала Джоанна. — И спасибо вам за подарки.

— Пользуйтесь ими, у них длительный срок хранения, так что — пригодятся! — воскликнула дама-дарительница и, повернувшись на каблучках, добавила: — До свидания, всего хорошего!

Тепло простившись, Джоанна долго смотрела ей вслед, пока дама спускалась вниз по извилистой дорожке к своему потрепанному «Фольксвагену». Внезапно за стеклами машины появились собаки — черные и коричневые возбужденные спаниели; они прыгали внутри салона, лаяли, прижимаясь мордами и лапами к стеклам. Вдруг внимание Джоанны привлекло какое-то белое пятно, возникшее из-за корпуса «Фольксвагена» на противоположной стороне улицы, сквозь листву молодых деревьев, растущих вдоль домов. Это белое пятно покрыло сначала одну половину из окон дома семьи Клейбруков, а затем появилось и на другой половине.

«Наверное, в доме моют окна. — подумала Джоанна. — Возможно, Донна Клейбрук видит меня сейчас». И на всякий случай улыбнулась.

С поразительным ревом «Фольксваген» сорвался с места, чиркнув боковинами шин по бордюру, а Джоанна, пятясь, вошла в прихожую и движением бедра закрыла дверь за собой.

* * *

Пит и Ким спорили, стараясь перекрычить друг друга:

— Поносник! Засранец!

— Что? А ну отвали!

— Немедленно прекратите! — приказала Джоанна, сваливая кучу подарков на кухонный стол.

— Она лягается! — подскочил с жалобами Пит.

— Не ври, засранец! — протестующе закричала Ким.

— *Прекратите* немедленно, — повторила Джоанна, обращаясь в основном к Ким, и, подойдя к кухонному проему посмотрела на то, что происходит в гостиной. Пит лежал на полу, почти уткнувшись носом в телевизор; Ким, вся покрасневшая и возбужденная, стояла рядом с ним, с трудом сдерживаясь, чтобы не лягаться. Оба были еще в пижамах.

— Она два раза лягнула меня, — снова принялся за свое Пит.

— А зачем ты переключил канал? — закричала Ким. — Он переключил телевизор на другой канал.

— Я не переключал.

— Врешь, переключил, я смотрела «Кот Феликс»! А ты переключил!

— Тихо! — скомандовала Джоанна. — Замолчите немедленно! Никаких разговоров, полная тишина!

Дети посмотрели на нее; Ким — огромными голубыми глазами Уолтера, Пит ее — темно-какими.

— Спешите к месту посадки! — раздался крик из телевизора. — Ожидается отключение электричества!

— Во-первых, вы расположились слишком близко от экрана, — сказала Джоанна. — Во-вторых, выключите телевизор. В-третьих, немедленно одевайтесь, оба, слышите? Это зеленое вещество снаружи — трава, а желтое вещество, излучаемое на нее сверху, — солнечный свет.

Пит поднялся на ноги, шелкнул пультом управления, после чего на экране возникла постепенно затухающая световая точка. Ким расплакалась.

Джоанна, ворча на детей, прошла по гостиной.

Наклонившись над Ким, она обняла ее за плечи, погладила через ткань пижамы спинку и поцеловала шелковые завитки волос на шейке.

— Ну ладно, ладно, — успокаивала она дочь. — Неужели ты не хочешь снова поиграть с хорошей девочкой Эллисон? Может быть, вам опять посчастливится увидеть бурундука.

Пит подошел к матери и поправил прядь волос, выбившуюся из прически. Она взглянула на него и сказала:

— Не переключай каналы, когда она смотрит телевизор.

— Не беспокойся, не буду, — ответил он, накручивая на палец прядь темных волос.

— А ты не лягайся, — сказала она Ким, снова потеряв ей спинку и пытаясь поцеловать щеку девочки, которую та, изогнувшись, отстранила от материнских губ.

Уолтер мыл посуду, поскольку сегодня была его очередь заниматься этим. Дети спокойно играли в комнате Пита, поэтому Джоанна смогла быстро помыться под холодным душем, надеть шорты, футболку, теннисные туфли и причесаться. Укладывая волосы в жгут, она бросила быстрый взгляд на детей: они сидели на полу и играли с космической станцией Пита.

Стараясь не шуметь, Джоанна вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице, устланной новой ковровой дорожкой. С распаковкой вещей наконец было покончено, а у нее самой есть теперь несколько минут — десять, а если повезет, то и все пятнадцать, — чтобы посидеть на воздухе с Уолтером и посмотреть на их деревья и участок земли размером в два и два десятых акра.

Спустившись по лестнице, Джоанна прошла через коридор. В кухне было чисто, как в операционной. Глухо рокотала посудомоечная маши-

на. Уолтер, стоя у раковины, склонился к окну и наблюдал за тем, что творилось в стоящем напротив доме семейства Ван Сентов. Его рубашка, местами взмокая от пота, подошла бы для теста Роршаха¹ — отчетливо различался кролик с опавшими ушами. Уолтер обернулся и с улыбкой подошел к ней.

— Ты давно здесь? — спросил он, вытирая руки о кухонное полотенце.

— Только что вошла, — ответила она.

— Ты выглядишь так, как будто заново родилась.

— Именно такой я себя и ощущаю. Дети играют как два ангела. Давай выйдем на воздух.

— Конечно, — согласился он, складывая полотенце. — Только через несколько минут. Мне нужно потолковать с Тедом. — Он повесил полотенце на крюк. — Поэтому-то я и смотрел на их окна, — пояснил он. — Они только что ото-бедали.

— И о чем ты хочешь говорить с ним? — Они направились во внутренний дворик.

¹ Герман Роршах (1884–1922) — швейцарский психиатр, разработавший систему личностных психологических тестов («Тесты Роршаха»), направленных на изучение характера, способностей и потребностей организма. Метод Роршаха основан на толковании ассоциаций, которые вызывали у испытуемого чернильные пятна определенной формы и цвета. Возможно, Джоанне пришла на ум повесть Рэя Брэдбери «Рубашка с тестами Роршаха».

— Я как раз собирался сказать тебе, — начал он, поддерживая ее под руку. — Я передумал и решил вступить в Ассоциацию мужчин.

Она остановилась и внимательно посмотрела на него.

— Там уделяется внимание стольким важным проблемам, что не участвовать в их решении было бы неразумно, — начал он. — Вопросы политики на местном уровне, мероприятия, связанные с благотворительностью...

— Ну как ты можешь вступить в такую устаревшую, старомодную...

— Я уже говорил кое с кем из мужчин, которых встретил в поезде. С Тедом, с Виком Ставросом и еще с несколькими мужчинами, с которыми они меня познакомили. Большинство согласны, что не допускать женщин к участию в делах — это пережиток. — Он снова взял ее под руку, и они пошли дальше. — Однако единственный способ изменить существующее положение — это действовать изнутри. И я намерен поспособствовать этому. В субботу вечером я вступаю в Ассоциацию. Тед кратко обрисует мне, чем занимаются комитеты. — Он предложил ей сигарету: — Будешь курить перед сном?

— Конечно закурю, — ответила она и протянула руку за сигаретой.

Они стояли в дальнем уголке внутреннего двора, окутанные прохладным голубоватым сум-

раком; отовсюду слышался стрекот кузнечиков. Уолтер чиркнул зажигалкой, поднес пламя к сигарете Джоанны, а затем зажег и свою.

— Взгляни на небо. Его вид оправдывает каждый заплаченный нами пенни.

Она подняла голову — небо было розовато-лиловым, голубым и синим. Великолепно... Затем, опустив голову, Джоанна посмотрела на огонек своей сигареты.

— Каким это образом организации могут подвергнуться изменениям изнутри? — спросила она. — Ведь ты подаешь заявление, ты вступаешь, у тебя появляются обязанности...

— Пойми, изменить изнутри намного легче, — прервал ее Уолтер. — Увидишь, если и остальные мужчины такие же, как те, которых я знаю, то очень скоро Ассоциация преобразится и станет Всеобщей ассоциацией. Игра в покер между смешанными парами. Занятие сексом на столах для игры в пул.

— Если бы мужчины, с которыми ты говорил, были типичными представителями этой Ассоциации, — сказала Джоанна, — то она давно стала бы всеобщей. Ну да ладно, делай, что решил, — вступай. А я подумаю над лозунгами для плакатов. Когда у детей начнутся занятия в школе, у меня будет уйма времени.

Он обнял ее за плечи:

— Потерпи немного. Если в течение шести месяцев она не будет открыта для женщин, я выйду из нее и мы предпримем что-нибудь вдвоем. Плечом к плечу. «Секс — да! Сексизм! — нет!»

— Степфорд не вписывается в общепринятые рамки, — сказала Джоанна и потянулась к пепельнице, стоящей на обеденном столике.

— Так это и не плохо.

— Посмотрим, вот когда я по-настоящему возьмусь за дело...

Они докурили и теперь стояли, держась за руки и устремив взгляды на широкий простирающийся вдаль газон, на высоченные деревья, черные силуэты которых пронзали розовато-лиловое небо, выделяясь на его фоне. Между деревьев проглядывали огоньки: это были освещенные окна домов, расположенных на Харвест-лейн, соседней улице.

— Роберт Эндрю прав, — сказала Джоанна. — Меня притягивает это место.

Уолтер внимательно посмотрел на фасад дома Ван Сентов и перевел взгляд на циферблат ручных часов.

— Пожалуй, пойду помоюсь, — он поцеловал Джоанну в щеку.

Она повернулась к нему и, взяв его лицо в свои ладони, прильнула губами к его губам.

¹ Дискриминация по половому признаку, в данном случае дискриминация женщин.

— Я побуду здесь еще немного, — проговорила Джоанна. — Прикрикни на детей, если они разойдутся.

— Конечно, — пообещал он и направился в дом через дверь, ведущую в гостиную.

Джоанна потеряла руки — вечерняя прохлада давала о себе знать. Закрыв глаза, она отклонилась назад и вдохнула полные легкие воздуха, пахнувшего травой, деревьями и чистотой: великолепно. Потом открыла глаза и посмотрела на крохотную блестящую точку в темно-синем небе; на звезду, находящуюся от нее за многие триллионы миль.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя¹, — задумчиво промолвила Джоанна.

Она не стала продолжать эту детскую песенку-присказку для загадывания желаний, но мысленно представила себе звезду.

Джоанна загадала, чтобы их жизнь в Степфорде была счастливой. Чтобы у Пита и Ким не было проблем с успеваемостью в школе, чтобы они с Уолтером нашли хороших друзей и их надежды сбылись. Чтобы он, в конце концов, примирился с переездом сюда — хотя мысль о переезде всецело принадлежала ему. Чтобы жизнь всех четверых стала содержательнее и богаче, а не оскудела, чего она опасалась, уезжая из города — грязно-

¹ Строчка из известной детской песенки «Сияй, мигай, звездочка» («Twinkle, Twinkle, Little Star»).

го, перенаселенного, криминального, но вместе с тем бурлящего жизнью.

Ее внимание привлекли шум и движение, доносившиеся со стороны дома Ван Сентов.

Кэрол Ван Сент, темный силуэт которой выделялся в освещенном проеме двери, ведущей с улицы в кухню, силилась закрыть крышкой переполненный контейнер с мусором. Она склонилась к земле — ее рыжие волосы поблескивали при ярком свете, — а затем выпрямилась, держа в руках какой-то большой предмет круглой формы; это был камень, который Кэрол положила на крышку.

— Привет! — окликнула ее Джоанна. Кэрол выпрямилась и, стоя в дверях, уставилась на нее; высокая, длинноногая да к тому же практически обнаженная: розовое, почти прозрачное платье не скрывало того, что находилось под ним.

— Кто здесь? — спросила она.

— Джоанна Эберхарт. Я вас не напугала? Простите, если так получилось. — Она подошла к изгороди, отделяющей ее с Уолтером владения от участка Ван Сентов.

— Привет, Джоанна. — В голосе Кэрол явно звучал гнусавый акцент, свойственный жителям Новой Англии. — Нет, вы меня не напугали. Отличная ночь, не правда ли?

— Да, — подтвердила Джоанна. — Я наконец-то распаковала вещи, в связи с чем пребываю в прекрасном настроении. — Она должна была

говорить громко, поскольку Кэрол так и стояла в дверном проеме и расстояние между ними было слишком большим, чтобы вести непринужденную беседу; сама Джоанна, однако, подошла к самому концу цветочной клумбы, почти упирающемуся в изгородь. — Ким прекрасно провела время с Эллисон сегодня после обеда, — добавила она. — Они отлично ладят друг с дружкой.

— Ким просто восхитительное существо, — сказала Кэрол. — Я так рада, что у Эллисон появилась такая хорошая новая подружка, к тому же живущая по соседству. Спокойной ночи, Джоанна. — И она повернулась, намереваясь уйти в дом.

— Прошу вас, задержитесь на минутку! — попросила Джоанна.

Кэрол обернулась.

— Да? — спросила она, снова посмотрев на Джоанну.

Как жаль, подумала Джоанна, что нас разделяют эта клумба и ограда, которые не позволяют подойти поближе. А что, собственно говоря, мешает Кэрол подойти вплотную к ограде с ее стороны? Какие сверхнеотложные дела ожидают ее в кухне, освещенной мертвенно-белым светом галогенных ламп, стены которой сплошь завешаны надраенной до блеска медной посудой?

— Уолтер собирается прийти поговорить с Тедом, — громко произнесла Джоанна, обращаясь

к силуэту полуобнаженной Кэрол. — После того, как вы уложите детей, почему бы вам не зайти ко мне и не выпить чашечку кофе?

— Спасибо, с радостью приду, — ответила Кэрол, — но мне надо натереть мастикой пол в гостиной.

— Сейчас? Ночью?

— Пока у детей не начались занятия в школе, только ночью я и могу сделать это.

— И что, это нельзя отложить? Ведь осталось всего-то три дня.

Кэрол покачала головой:

— Нет, я и так откладывала эту работу невесть сколько времени. Пол уже весь в проплешинах. А Тед, кстати, вот-вот уйдет в Ассоциацию мужчин.

— Он что, ходит туда каждый вечер?

— Почти каждый.

— Боже милостивый! А вы остаетесь дома и занимаетесь делами?

— Всегда найдется какое-нибудь неотложное дело, — ответила Кэрол. — Вам-то это наверняка известно. А сейчас мне надо навести порядок на кухне. Так что спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — произнесла Джоанна, наблюдая, как Кэрол, повернувшись, входит в дом — в профиль ее грудь выглядела естественно большой, — и закрывает за собой дверь.

Вдруг, совершенно неожиданно, она появилась в окне, расположенном над раковиной; было видно, что она регулирует уровень воды, затем берет какую-то посудину и начинает чистить. Ее рыжие волосы были аккуратно уложены и блестели при свете ламп; лицо с тонким изящным носом казалось задумчивым (и, черт подери, интеллигентным); вызывающе высокая грудь покачивалась в такт движениям рук, скребущих посудину.

Джоанна побрела назад во внутренний дворик. Нет, ей, слава богу, не известно, что всегда находится какое-нибудь неотложное дело. Не известно, что значит быть поработанной *hausfrau*¹. И кто может обвинять Теда в том, что он так недурно устроился, используя желание этой простушки постоянно пребывать в домашнем рабстве?

Только она и может обвинять его в этом. А кого же еще?

Уолтер в легком пиджачке вышел из дома.

— Не думаю, что задержусь там дольше чем на час, — сказал он.

— В этой Кэрол Ван Сент все какое-то надуманное, — задумчиво произнесла Джоанна. — Она не может зайти на чашечку кофе, потому что должна натереть пол в гостиной. Тед каж-

¹ Домохозяйка (нем.).

дый вечер отправляется в Ассоциацию мужчин, а она остается дома и горбатится, выполняя разные домашние дела.

— Боже! — воскликнул Уолтер, недоверчиво качая головой.

— Представь, какво мне находиться рядом с ней, — сказала Джоанна, — мне, считающей Кейт Миллет¹ своей матерью.

Уолтер в ответ лишь усмехнулся.

— Ну пока, — сказал он, поцеловал ее в щеку и, пересекая дворик, направился к входной двери.

Она снова посмотрела на звезды; сейчас они светили еще ярче. «Давай, принимайся за работу», — подумала Джоанна и пошла в дом.

Субботним утром все четверо сидят, по всем правилам пристегнувшись ремнями безопасности, в начищенном до блеска автомобиле «Универсал». Джоанна и Уолтер, оба в солнцезащитных очках, обсуждают магазины и предстоящие покупки. Пит и Ким щелкают выключателями, поднимая и опуская стекла в салоне до тех пор, пока Уолтер не вмешивается и не велит им пре-

¹ Кейт Миллет (1934—2017) — известная в США активистка Движения за права женщин. В своей книге «Сексуальная политика» («Sexual Politics», 1970) она дала расширенное применение термина «политика» по отношению к сексуальности, телу, эмоциям и многим другим социокультурным сферам, считавшимся до того аспектами индивидуальной, «личной жизни».

кратить. День солнечный, даже чересчур, — такие дни предвещают приближение осени. Они поехали в торговый центр Степфорда (витрины с белыми рамами в колониальном стиле¹ выглядят как на рождественских открытках), чтобы купить кое-что из домашних вещей, предметов гигиены и лекарств в магазинах, где предоставлялись скидки. Затем направились по Девятому шоссе в только что открытый гипермаркет, чтобы купить, опять же со скидкой (какая там очередь!), башмаки для Пита и Ким и шведскую стенку, правда уже без скидки; оттуда по Ист-бридж-роуд в «Макдоналдс» (биг-маки, шоколадные коктейли); потом проехали еще немного в восточном направлении до магазина антикварных вещей (восьмиугольный придиванный столик, правда, без документов, свидетельствующих о принадлежности к означенной на этикетке эпохе). Проехали с севера на юг и с востока на запад вокруг Степфорда — по Энвил-роуд, Колдгрик-роуд, Ханникат, Бивертайл, пересекли нагорье Бургесс — ради того лишь, чтобы показать Питу и Ким (Джоанна и Уолтер уже успели проехать по этим местам, когда занимались покупкой дома) их новую школу и школы, где они будут учиться потом; показать им не загрязненную

¹ Американцы используют термин «колониальный» применительно к архитектурному и другим стилям XVIII века, в то время как англичане называют его «георгианским».

округу, а мусороперерабатывающий завод, который, если смотреть на него со стороны, можно принять за ангар для звездолетов; площадки для пикников, рядом с которыми сооружался муниципальный плавательный бассейн. Пит попросил Джоанну спеть «С добрым утром, звездный свет»¹, а потом они все вместе исполнили «Оркестр Макнамары»², причем каждый в финале подражал звуку какого-нибудь музыкального инструмента. Ким так старалась, что ее едва не вырвало, — слава богу, Уолтер заметил приближающуюся беду, быстро расстегнул ремень безопасности и вытащил ее из машины.

Это послужило сигналом к тому, что следует успокоиться и вести себя потише. Назад они ехали через центр Степфорда, потому что Пит сказал, что его укачало и тоже может стошнить. Уолтер обратил их внимание на белые рамы в окнах библиотеки и коттеджа, построенного два века назад, в котором сейчас размещалось Историческое общество.

Ким, приникшая к стеклу, сняла с языка тоненькую таблетку — средство против укачивания — и спросила:

— А кто живет в этом огромном доме?

¹ Песня, написанная Оливером в соавторстве с Кру («Good Morning Starshine») для бродвейского мюзикла «Волосы» («Hair») и буквально сразу ставшая хитом.

² Песня Бина Кросби («MacNamara's Band»).

— В нем находится Ассоциация мужчин, — ответил Уолтер.

Пит изогнулся, насколько позволял ему ремень, и во все глаза уставился на здание.

— Так это сюда ты ходишь по вечерам? — спросил он.

— Точно, — ответил Уолтер.

— А как ты добираться?

— Там за холмом есть дорога.

Они догнали грузовик; в открытом кузове, ухватившись руками за борта, стоял человек в униформе цвета хаки. У него были длинные каштановые волосы и очки на худом удлиннном лице.

— Это же Гари Клейбрук, верно? — спросила Джоанна.

Уолтер посигналил и помахал рукой, высунутой в открытое окно. Их сосед, живший в доме напротив, согнулся, чтобы рассмотреть, кто находится в машине, улыбнулся и помахал в ответ, а затем снова ухватился за борта кузова. Джоанна тоже улыбнулась и помахала. Ким закричала:

— Здравствуйте, мистер Клейбрук!

Пит присоединился:

— А где Джереми?

— Он вас не слышит, — обратилась к детям Джоанна.

— Как бы мне хотелось вот так же прокатиться на грузовике! — со вздохом сказал Пит.

— Мне тоже! — согласилась с братом Ким.

Грузовик с надсадным урчанием одолевал крутой подъем, резко забирая влево. Кузов был наполовину заполнен мелкими картонными коробками.

— Чем он занимается? — спросила Джоанна. — Халтурит?

— Не похоже, особенно если вспомнить, сколько, по словам Теда, он зарабатывает, — ответил Уолтер.

— А что такое «халтурит»? — спросил Пит.

Тормозные фары грузовика засветились; он остановился, а затем замигал сигнал левого поворота.

Джоанна принялась объяснять, что значит «халтурить».

Когда автомобиль добрался до вершины горы, грузовик уже повернул на дорогу, ведущую влево.

— Это и есть та самая дорога? — спросил Пит.

Уолтер кивнул:

— Да, это она.

Ким опустила стекло до самого низа и что было мочи закричала:

— Привет, мистер Клейбрук!

Он махнул им рукой, когда машина, обгоняя грузовик, шла рядом.

Пит расстегнул пряжку на своем ремне безопасности и, встав на колени, прильнул к окну.

— А я смогу когда-нибудь прийти сюда? — спросил он, высовывая голову в окно и оглядываясь назад.

— М-м-м, не думаю, — ответил Уолтер. — Детям запрещено приходиться туда.

— Посмотрите, ну и забор! — закричал Пит. — Прямо как в фильме «Герои Хогана»!¹

— Для того, чтобы женщины туда не проникли, — сказала Джоанна, глядя вперед и поправляя солнцезащитные очки.

Уолтер улыбнулся.

— Это правда? — спросил Пит. — Поэтому он такой высокий?

— Пит, немедленно пристегни ремень, — строгим голосом приказала Ким.

— Пит... — начала было Джоанна. Они выехали на Норвуд-роуд и по ней направились в сторону шоссе Уинтерхилл-драйв.

Она из принципиальных соображений намеревалась не заниматься сегодня никакой домашней работой. Не то чтобы работы у нее было невпроворот, вовсе нет, и кое-что она проделала бы даже с удовольствием, например, разобрала книжные полки в гостиной, — но уж только не сегодняшним вечером. Не выйдет, сэр. Ничего не случится, если с этим подождать. Она не Кэрол Ван Сент и не Мэри-Энн Ставрос — уж она-то не станет проталкивать трубу пылесоса

¹ «Герои Хогана» — американский телесериал («Hogan's Heroes»), рассказывающий о приключениях времен Второй мировой войны.

через окно нижнего этажа, для того чтобы опустить штору на окне в комнате Пита и одновременно продемонстрировать соседям, что занимается уборкой.

Нет, сэр, этого не будет. Уолтер отправился в Ассоциацию мужчин — отлично. Он должен был пойти туда, чтобы вступить в Ассоциацию, и должен будет ходить туда раз или два в неделю, чтобы изменить основы тамошнего устройства. Но впредь она не собирается заниматься домашней работой, пока он будет находиться там (по крайней мере, первое время), если, конечно, Уолтер в свою очередь не станет выполнять работу по дому, когда она будет отлучаться куда-нибудь по своим делам — она как раз уже наметила, что в следующую лунную ночь поедет в центр Степфорда, чтобы сфотографировать фасады магазинов, оформленных в колониальном стиле. (Лунный свет, вероятно, будет по-особому отражаться от кривых зеркальных стекол в витринах магазина домашней утвари.)

Ну что ж, раз Пит и Ким заснули да еще и шумно посапывали, Джоанна спустилась в погреб и сделала замеры, необходимые для перепланировки кладовой, которой предстояло стать ее потайной комнатой, а также фотолабораторией. Затем, поднявшись наверх, проверила Пита и Ким, после чего приготовила себе порцию водки с тоником и, держа в руках стакан,

отправилась в кабинет. Она настроила приемник на станцию, передававшую слезливо-сентиментальную, но приятную мелодию, сдвинула к краю стола контракты и другие бумаги Уолтера, достала увеличительное стекло, красный карандаш и контракт на фотографии видов города, который заключила перед отъездом. Большинство снимков — просто напрасная трата пленки. Это Джоанна понимала еще тогда, когда шелкала затвором, — ей никогда не удавалось сделать ничего хорошего второпях, — но один из кадров по-настоящему взволновал ее. На снимке хорошо одетый молодой темнокожий человек с «дипломатом» провожает озлобленным взглядом пустой таксомотор, проходящий мимо и проигнорировавший его жест остановиться. Если его лицо увеличить в правильной пропорции, слегка затемнить фон и чуть выпятить размытое изображение проносящегося мимо автомобиля, получится снимок, достойный внимания, — она уверена, что любое агентство возьмет его с охотой. Существовал постоянный спрос на фотографии, в драматическом ключе освещающие проблемы межрасовой напряженности.

Джоанна взяла красный карандаш, отметила этот кадр красным крестиком и принялась рассматривать остальные, которые считала хорошими или потенциально хорошими при соответствующей доработке. Вспомнив про водку

с тоником, поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков.

В четверть двенадцатого она, почувствовав усталость, передвинула вещи на свою половину стола, а бумаги Уолтера положила туда, где они лежали, выключила радиоприемник, пошла на кухню и ополоснула стакан. Проверила, закрыты ли двери, выключила свет — повсюду, оставив гореть лишь единственную лампочку в прихожей, — и пошла наверх.

Любимый слон Ким лежал на полу. Джоанна подняла его и, положив рядом с подушкой, накрыла одеялом. Затем укутала одеялом плечики дочки и слегка коснулась пальцами мягких завитков на шейке.

Пит спал на спине с открытым ртом, точно в той же позе, что и прежде, когда она проходила мимо спальни детей в кабинет. Джоанна посмотрела, как поднимается и опускается при дыхании его грудь, затем приоткрыла дверь пошире, погасила свет в коридоре и пошла в их с Уолтером спальню.

Она разделась, причесала волосы, помылась под душем, почистила зубы и легла в постель.

Без двадцати двенадцать выключила бра.

Лежа на спине, Джоанна попеременно покачивала то правой ногой, то правой рукой. Ей было тоскливо оттого, что Уолтера не было рядом, но телу было приятно лежать на прохладной про-

стыне и в просторной кровати. Сколько раз ей приходилось ложиться спать одной с того дня, как они поженились? Не много: ночи, когда он уезжал из Марбурга-Донлеви в деловые командировки; ночи, которые она провела в больнице, откуда вернулась домой с Питом и Ким; ночь, когда произошел сбой в системе электроснабжения; затем во время поездки домой на похороны дяди Берта — где-то двадцать, ну максимум двадцать пять ночей в течение десяти с лишним лет. Этот подсчет не омрачил настроения. Боже милостивый, от этого она снова почувствовала себя прежней Джоанной Ингаллс. Помнит ли она ее?

Вдруг Джоанна подумала, а не попал ли Уолтер в аварию. Ведь в том грузовике, на котором ехал Гари Клейбрук, везли вино (или размеры картонных ящиков были слишком маленькими для хранения и перевозки вина?). Но Уолтер поехал в машине Вика Ставра и поэтому напился. Нет, такого никак не могло случиться; такого с ним практически никогда не случалось. А что, если напился Вик Ставрос? Крутые повороты на Норвуд-роуд...

Да нет, все это чушь. О чем вообще волноваться?

Кровать тряслась. Джоанна лежала в темноте, глядя в чернеющую за открытой дверью ванную комнату. На блестящих ручках шкафа еле за-

метно отражался неведомо откуда проникающий свет. А кровать все тряслась и тряслась в каком-то медленном постоянном ритме, и каждое колебание матраса сопровождалось слабым скрипом пружин... снова и снова, снова и снова. Кровать тряс Уолтер! Да, да, Уолтер!.. У него лихорадка! А может, белая горячка? Она повернулась на бок, приподнялась на локте, попыталась увидеть в темноте его лицо и протянула руку, стараясь нащупать веко. Его глаз посмотрел на нее и внезапно он отвернулся; все тело Уолтера отвернулось от нее, а вздыбленное холмиком одеяло на месте паха опало сразу, как только ее взгляд скользнул по нему; никакого холмика не было, только гладкое бедро. Кровать больше не тряслась.

Он что... мастурбировал?

Джоанна не знала что думать.

Села на постели.

— Я подумала, у тебя белая горячка, — сказала она. — Или лихорадка.

Некоторое время Уолтер лежал молча, а затем произнес:

— Я не хотел будить тебя. Уже третий час.

Джоанна все еще сидела, стараясь справиться с дыханием.

Он лежал на своей половине, не произнося ни слова.

Она обвела взглядом комнату. Окна, мебель были едва различимы в тусклом свете от плафо-